

Пеллико Сильвио

Мои темницы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С36

С36 **Сильвио П.**
Мои темницы / Пеллико Сильвио – М.: Книга по Требованию, 2022. – 162 с.

ISBN 978-5-521-27460-4

Приложение к "Историческому вестнику"

ISBN 978-5-521-27460-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

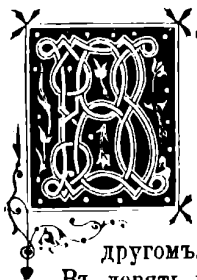
www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Писалъ ли я эти „Воспоминанія“ изъ суетнаго желанія поговорить о себѣ? Желаю, чтобы этого не было, и на сколько каждый можетъ быть своимъ судьей, мнѣ кажется, что у меня были лучшія цѣли: содѣйствовать утѣшенію несчастныхъ изложеніемъ тѣхъ бѣдствій, которыя я перенесъ, и утѣшеній, которыя я испыталъ, доказавъ, что они могутъ быть получены и въ величайшихъ несчастіяхъ;—засвидѣтельствовать, что среди своихъ долгихъ мученій я не нашелъ, однако, челоуѣчества столь несправедливымъ, столь недостойнымъ снисходительности, столь бѣднымъ людьми, обладающими прекрасной душою, какъ обыкновенно его представляютъ;—побудить благородныя сердца любить, а не питать ненависти ни къ кому изъ людей, непримиримо ненавидѣть только низкую ложь, малодушіе, коварство, всякое нравственное униженіе;—повторить истину, уже извѣстнѣйшую, но часто забываемую: только въ религіи и философіи можно почерпнуть стойкую волю и спокойное сужденіе, а безъ сочетанія этихъ двухъ условій нѣтъ ни справедливости, ни достоинства, ни твердыхъ принциповъ.

I.

ВЪ ПЯТНИЦУ 13-го октября 1820 года, я былъ арестованъ въ Миланѣ и отправленъ въ С. Маргериту. Было три часа дня. Весь этотъ день, какъ и втеченіе слѣдующихъ, меня долго допрашивали. Но объ этомъ я ничего не скажу. Подобно любовнику, оскорбленному своей возлюбленной, я храню обиду про себя и, оставивъ политику, поговорю о другомъ.

Въ девять часовъ вечера, въ эту несчастную пятницу, я былъ переданъ актуаріусомъ тюремному смотрителю, который, отвелъ меня въ назначенную комнату, любезно предложилъ мнѣ передать ему часы, деньги и все, что только было въ моемъ карманѣ, чтобы въ должное время возвратить мнѣ ихъ, и почтительно пожелалъ доброй ночи.

— Пойдите, любезный, — сказалъ я ему: — я сегодня еще не обѣдалъ; принесите-ка мнѣ чего нибудь.

— Сейчасъ, — гостинница здѣсь въ сосѣдствѣ, и вотъ вы увидите что за вино тамъ!

— Вино? Я не пью его.

Услышавъ такой отвѣтъ, синьоръ Анджіолино испуганно взглянулъ на меня, надѣясь, что я шучу. Тюремщики, содержащіе винную лавочку, боятся непьющихъ арестантовъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ не пью.

— Мнѣ жаль васъ: вдвойнѣ тяжелѣе будете чувствовать уединеніе...

Видя, что я не мѣняю своего рѣшенія, онъ ушелъ, и меньше чѣмъ черезъ полчаса мнѣ былъ принесенъ обѣдъ. Я немного закусилъ, выпилъ залпомъ стаканъ воды и остался одинъ.

Комната была въ нижнемъ этажѣ и выходила окнами на дворъ. Камеры здѣсь, камеры тамъ, камеры наверху, камеры напротивъ. Я прислонился къ окну и стоялъ тамъ, прислушиваясь къ шагамъ тюремщиковъ и къ разгульному пѣнію нѣсколькихъ заключенныхъ.

Я думалъ: вѣкъ тому назадъ это былъ монастырь. Воображали ли когда нибудь кающіяся дѣвы, обитавшія въ немъ, что въ ихъ кельяхъ раздадутся сегодня не женскія мольбы, не благоговѣйныя гимны, а богохульства и неприличныя пѣсни, что въ этихъ кельяхъ будутъ люди всякаго рода и, болѣею частію, предназначенные къ острогу и висѣлицѣ? А черезъ столѣтіе кто будетъ жить здѣсь? О, скоротечность времени и постоянное движеніе вещей! Можетъ ли тотъ, кто знаетъ, кто понимаетъ васъ, печалиться, если счастье перестаетъ улыбаться ему, если онъ умираетъ въ темницѣ, если ему угрожаетъ висѣлица? Я былъ вчера однимъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ смертныхъ, а сегодня лишень всего, что радовало и поддерживало меня въ жизни; нѣтъ больше свободы, нѣтъ общества друзей, нѣтъ больше надеждъ! Нѣтъ, безумно обманывать себя. Отсюда я не выйду иначе, какъ не будучи брошенъ въ ужаснѣйшій вертепъ или отданъ на расправу палача! И что же? Послѣ моей смерти взойдетъ день и будетъ такой же, какъ если бы я умеръ во дворцѣ и былъ погребенъ съ величайшими почестями.

Размышляя такимъ образомъ о скоротечности времени, я ободрился. Но вспомнились мнѣ отецъ, мать, оба брата, обѣ сестры, другое семейство, которое я люблю, какъ свое, и всѣ философскія разсужденія разлетѣлись въ прахъ. Я упалъ духомъ и зарыдалъ какъ дитя.

II.

Три мѣсяца тому назадъ, я пріѣхалъ въ Туринъ и свидѣлся тамъ послѣ долгой разлуки съ моими дорогими родителями, съ однимъ изъ братьевъ и съ обѣими сестрами. Въ нашемъ семействѣ мы всѣ горячо любили другъ друга! Но никого, кромѣ меня, не осыпали отецъ и мать такъ щедро всевозможными ласками. О, какъ я былъ растроганъ при встрѣчѣ съ ними, найдя ихъ такъ сильно постарѣвшими, чего я и не предполагалъ! Какъ бы я хотѣлъ тогда не покидать ихъ больше, посвятить себя на заботы о нихъ, утѣшать ихъ старость! Какъ мнѣ было горько, что въ короткое время моего пребыванія въ Туринѣ много другихъ обязанностей отрывало меня отъ роднаго крова, какъ грустно мнѣ было, что я не могу посвятить имъ большаго времени. Бѣдная матушка все говорила съ печальною нѣжностью: «Ахъ! Сильвіо нашъ не для насъ пріѣхалъ въ Туринъ!» Я выѣхалъ въ Миланъ утромъ, и разлука съ родными была самая грустная. Отецъ сѣлъ со мной въ коляску и

проводилъ меня съ милію; потомъ возвратился домой одинокій, печальный. Я обернулся, чтобы взглянуть на него, и плакалъ, цѣловалъ кольцо, подаренное матушкой, и никогда я не чувствовалъ, удаляясь отъ родныхъ, такой удручающей тоски. Не вѣря предчувствіямъ, я удивлялся своей безпомощности осилить горе и съ ужасомъ говорилъ себѣ: «что за тоска, что за безпокойство со мною?» И казалось мнѣ, что я провижу грядущее горе.

Теперь въ тюрьмѣ мнѣ припомнились тогдашніе ужасъ и тоска моя; пришли на умъ всѣ слова родителей, слышанныя мною три мѣсяца тому назадъ, и горькая жалоба матушки: «Ахъ, Сильвіо не за тѣмъ пріѣхалъ въ Туринъ, чтобы повидаться съ нами!»—мнѣ вновь пала тяжелымъ камнемъ на сердце. Теперь упрекалъ я себя, зачѣмъ, зачѣмъ я былъ такъ мало съ ними нѣженъ? Я горячо люблю ихъ и такъ мало говорилъ имъ про то! Можетъ быть, я никогда ихъ больше не увижу, а между тѣмъ вдоволь не наглядѣлся на дорогія черты!.. Зачѣмъ былъ я такъ скупъ на доказательства моей сыновней любви? Думы такія разрывали мнѣ сердце.

Я закрылъ окно, съ часъ прохаживался по комнатѣ, думая, что не засну всю ночь. Легъ потомъ на постель, и усталость меня усыпила.

III.

Ужасно въ первый разъ, ночью, пробудиться въ тюрьмѣ. Возможно ли? (говорилъ я себѣ, вспоминая, гдѣ я) возможно ли? Я — здѣсь? И не сонъ это? Вчера арестовали меня? Вчера меня долго допрашивали? и завтра будутъ допрашивать? и кто знаетъ, когда это кончится? И вчера вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ заснуть, я такъ долго плакалъ, думая о родныхъ?

Отдыхъ, совершенная тишина, короткій сонъ, возстановившій мои умственные силы, казалось, удесятерили силу горя. Горе родныхъ, при полномъ отсутствіи всего, что могло бы развлечь ихъ, въ особенности горе отца и матери, когда они услышатъ о моемъ арестѣ, рисовалось въ моемъ воображеніи съ невѣроятною силою.

— Въ эту минуту, — говорилъ я себѣ: — они спятъ еще спокойно или, можетъ быть, думаютъ съ нѣжностью обо мнѣ, вовсе не предчувствуя, гдѣ я? О, какъ бы они были счастливы, если бы Богъ взялъ ихъ къ себѣ прежде, чѣмъ дойдетъ въ Туринъ извѣстіе о моемъ несчастіи! Кто дастъ имъ силу выдержать подобный ударъ?

Какой-то внутренній голосъ, казалось, отвѣтилъ мнѣ: — Тотъ, Кого призываютъ всѣ несчастные, Кого они любятъ и Чье присутствіе они ощущаютъ въ себѣ! Тотъ, Кто даетъ силу Матери идти за Сыномъ на Голгоѳу и стоять у креста Его! Другъ людей, другъ несчастныхъ!

И впервые тогда восторжествовала въ моемъ сердцѣ религія; и этимъ благомъ я обязанъ сыновней любви.

Прежде, хотя и не былъ я противъ религіи, я мало и дурно ей слѣдовалъ. Возраженія, приводимыя обыкновенно противъ религіи, не казались мнѣ чѣмъ нибудь значительнымъ, и, всетаки, тысячи софистическихъ сомнѣній ослабляли мою вѣру. Но эти сомнѣнія давно уже не касались божественнаго существованія, и я говорилъ себѣ, что если Богъ существуетъ, необходимо слѣдствие Его правосудія есть загробная жизнь для человѣка, который страдаетъ на землѣ такъ несправедливо; отсюда заключеніе — стремиться къ благамъ этой второй жизни, отсюда культъ любви къ Богу и ближнему, непрестанная жажда самоулучшенія безкорыстными жертвами. Уже давно говорилъ я себѣ все это и прибавлялъ: и что такое христіанство, какъ не вѣчная жажда самоулучшенія?

Не смотря на то, что уже давно такъ думалъ и чувствовалъ, я, всетаки, не рѣшался прійти къ заключенію: будь же послѣдователенъ! будь христіаниномъ! не смущайся заблужденіями! не истолковывай въ дурную сторону какой нибудь трудный для пониманія пунктъ ученія церкви, такъ какъ главный и самый яркій пунктъ ея есть: любви Бога и ближняго!

Въ тюрьмѣ я рѣшилъ прійти къ такому заключенію и пришолъ къ нему. Еще колебался нѣсколько, думая, что кто нибудь, узнавъ, что я сталъ религіознѣе прежняго, сочтетъ меня за ханжу, за лицемеръ, униженнаго несчастіемъ. Но чувствуя, что я ни то ни другое, я твердо рѣшилъ не заботиться вовсе о незаслуженныхъ, но возможныхъ порицаніяхъ и быть и объявить себя отнынѣ впродъ христіаниномъ.

IV.

На такомъ рѣшеніи я остановился гораздо позже, но думать о немъ и почти желать его я началъ въ первую ночь ареста. Къ утру я успокоился и былъ чрезвычайно тѣмъ удивленъ. Снова сталъ думать о родителяхъ и о другихъ лицахъ, мною любимыхъ, и уже не отчаявался больше въ ихъ душевной силѣ. Меня утѣшило воспоминаніе объ ихъ прекрасныхъ, нравственныхъ качествахъ, издавна извѣстныхъ мнѣ.

Почему же прежде я такъ убивался, представляя себѣ ихъ безпокойство, а теперь такъ увѣренъ въ ихъ мужествѣ? Была ли чудомъ эта счастливая перемена? или это совершенно естественно вытекало изъ моей вновь оживившейся вѣры въ Бога? Да и что въ томъ, назовешь ли, или не назовешь чудомъ истинно великую благодѣтельность религіи?

Въ полночь два *secondini* (такъ называются тюремщики, подчиненные тюремному смотрителю) пришли навѣстить меня и нашли, что я въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. На разсвѣтѣ снова пришли и нашли меня веселымъ и спокойнымъ.

— Эту ночь, синьоръ, у васъ былъ ужасный видъ,—сказалъ Тирола:—теперь совсѣмъ иное, что меня радуетъ; это знакъ того, что вы, извините за выраженіе, не мошенникъ (я уже составилъ въ этомъ занятіи, и мои замѣчанія имѣютъ нѣкоторый вѣсъ),—тѣ еще болѣе безумствуютъ на второй день ареста, чѣмъ въ первый. Табакъ нюхаете?

— Этой привычки у меня нѣтъ, но я не хочу отказаться отъ вашей любезности. Что касается до вашего замѣчанія, то, извините, скажу, что оно не стоить такого мудреца, какимъ вы кажетесь. Если сегодня утромъ у меня нѣтъ ужаснаго вида, то развѣ такая перемѣна не могла бы быть доказательствомъ глупости и легкомысленной надежды на скорую свободу?

— Я боялся бы, что это такъ, если бы вы, синьоръ, по другимъ причинамъ были въ тюрьмѣ; а по тому, что привело васъ сюда, въ теперешнее время невозможно и думать, чтобы все это такъ быстро кончилось. Да и не такъ же вы просты, чтобы вообразить себѣ это. Прошу прощенія. Не угодно ли еще щепотку?

— Дайте-ка. Но какъ это можно жить среди несчастныхъ и быть съ такимъ веселымъ лицомъ, какъ ваше?

— Вы думаете, что это по равнодушію къ несчастію другаго; по правдѣ сказать, я и самъ не знаю хорошенько; но увѣряю васъ, что постоянно видѣть слезы другихъ мнѣ тяжело. Я иногда притворяюсь веселымъ, чтобы и бѣдные арестанты повеселѣли.

— Мнѣ пришла, мой другъ, мысль, которой никогда прежде у меня не было: что можно быть тюремщикомъ и, всетаки, доброй души человѣкомъ.

— Ремесло тутъ не при чемъ, синьоръ. По ту сторону воротъ, что вы видите, кромѣ одного двора, есть еще другой дворъ и другія камеры, все для женщинъ. Тамъ... не надо бы и говорить про то... женщины дурной жизни. И, однако, синьоръ, есть между ними чисто ангелы, судя по сердцу. Вотъ если бы вы были секундино...

— Я?—(и я покотился со смѣху).

Мой хохотъ смутилъ Тирола, и онъ замолчалъ. Можетъ, онъ хотѣлъ сказать, что будь я секундино, мнѣ бы трудно было не полюбить когонибудь изъ этихъ арестантокъ.

Спросивъ меня, что я хочу на завтракъ, онъ ушолъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ кофе.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо съ лукавой улыбкой, хотѣвшей сказать: «Не снесешь ли ты моей записочки другому несчастливцу—моему другу Пьеро»? А онъ мнѣ отвѣтилъ другою улыбкою, говорившей: «Нѣтъ, синьоръ; и если вы обратитесь къ комунибудь изъ моихъ товарищей, который вамъ скажетъ: да,—берегитесь, какъ бы вамъ не измѣнили».

Я не увѣренъ дѣйствительно, понялъ ли онъ меня и я его. Только знаю хорошо, что я разъ десять почти готовъ былъ попросить у него клочекъ бумаги и карандашъ и не смѣлъ: было что-то въ его глазахъ, предупреждавшее, казалось, меня не довѣряться никому или ужъ сказать скорѣе ему, чѣмъ другимъ.

V.

Если бы у Тирола, хотя онъ и казался добрымъ, не было бы этихъ хитрыхъ взглядовъ, если бы у него фізіономія была поблагороднѣе, я бы поддался искушенію сдѣлать его своимъ посломъ, и моя записочка, придя во время къ моему другу, можетъ быть, дала бы ему силу исправить какую нибудь ошибку и, можетъ быть, это спасло бы не его, бѣдняжку, такъ какъ уже многое было открыто, но многихъ другихъ, въ томъ числѣ и меня!

Терпѣніе! значить, такъ надо было.

Я былъ потребованъ къ продолженію допроса, который тянулся весь этотъ день и нѣсколько слѣдующихъ безъ всякаго перерыва, за исключеніемъ обѣда.

Пока длился процессъ, дни для меня быстро летѣли въ этихъ нескончаемыхъ отвѣтахъ на столько разнообразныхъ вопросовъ, а въ часы обѣда и вечеромъ—въ обсужденіи всего того, что спрашивалось у меня, и что я отвѣтилъ, и что еще, по всей вѣроятности, у меня спросать.

Въ концѣ первой недѣли со мной случилась большая непріятность. Мой бѣдный Пьеро, желая войти со мной въ сношеніе, какъ этого желалъ и я, послалъ мнѣ записочку и воспользовался для этого услугами не кого нибудь изъ секундини, а услугами одного несчастнаго арестанта, приходившаго съ секундини убирать наши камеры. Это былъ человѣкъ лѣтъ 60—70, приговоренный, не знаю хорошенько, на сколько-то мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Булавкой, которая была у меня, я прокололъ себѣ палецъ и написалъ кровью въ отвѣтъ нѣсколько строкъ, что и отдалъ посланному. Но, по несчастію, за нимъ подглядѣли, обыскали, нашли при немъ записку и, если не ошибаюсь, наказали его палочными ударами. Я слышалъ громкіе крики, показавшіеся мнѣ принадлежащими несчастному старику, и затѣмъ его уже больше никогда не видалъ.

Будучи призванъ на слѣдствіе, я задрожалъ при видѣ моей бумажонки, исписанной кровью. (Благодареніе небу, что тамъ не было ничего серьезнаго; моя записочка носила характеръ простаго привѣта). Меня спросили, посредствомъ чего я добылъ крови, отняли у меня булавку и смѣялись надъ тѣмъ, что насъ ловко поддѣли. А мнѣ было не до смѣху! У меня все было передъ глазами несчастный старикъ. Я бы охотно вытерпѣлъ какое угодно нака-

заніе, лишь бы простили его, и когда до меня донеслись эти крики, которые, какъ я боялся, были его, сердце облилось у меня кровью.

Напрасно пытался я узнать о немъ у зрителя и у секундин. Они качали головой, приговаривая: «Онъ дорого заплатился — больше ужъ не будетъ, пусть теперь отдохнетъ хоть немного». Больше я ничего не добился.

Показывало ли это болѣе тяжелое заключеніе, или они говорили такъ потому, что онъ, быть можетъ, умеръ подъ палками или вслѣдствіе ихъ?

Однажды показалось мнѣ, что я увидалъ его по ту сторону двора подъ навѣсомъ со связкой дровъ на плечахъ. Сердце затрепетало у меня, какъ будто бы я увидалъ роднаго брата.

VI.

Когда перестали мучить меня допросами и не стало больше ничего, чтѣ бы заняло меня въ продолженіе дня, тогда-то узналъ я всю горечь и тяжесть одиночества.

Хотя и дозволили мнѣ имѣть Библію и Данта; хотя и дана мнѣ была зрителемъ въ мое распоряженіе его библіотека, состоящая изъ нѣсколькихъ романовъ Скудери, Пьяцци и хуже, но мой духъ былъ слишкомъ возмущенъ, чтобы я могъ заняться какимъ бы то ни было чтеніемъ. Училъ я наизусть ежедневно по одной пѣснѣ Данта, и это занятіе было, всетаки, такъ машинально, что я выполнялъ его, думая больше о своихъ дѣлахъ, чѣмъ о стихахъ. То же самое было со мной, когда я читалъ и другое что нибудь, за исключеніемъ иногда нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи. Эта божественная книга, которую я всегда сильно любилъ, даже и тогда, когда я, казалось, былъ невѣрующимъ, теперь изучалась мною съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ когда бы то ни было. И, всетаки, не смотря на все мое доброе желаніе, я весьма часто читалъ ее и не понималъ, такъ какъ думалъ совершенно о другомъ. Мало-по-малу я сдѣлался способнымъ вдумываться болѣе основательно и все больше и лучше цѣнить ее.

Это чтеніе не давало мнѣ ни малѣйшаго повода къ ханжеству, т. е. къ той дурно понимаемой благоговѣйности, которую имѣтъ трусь или фанатикъ. Я научился любить Бога и людей, желать всегда больше всего царства справедливости, бѣжать неправды, прощать неправымъ. Христіанство, вмѣсто того, чтобы уничтожить то, что могла сдѣлать во мнѣ хорошаго философія, упрочило, завершило это разсужденіями болѣе высокими, болѣе могучими.

Прочитавъ однажды, что молиться нужно непрестанно, что истинно молиться не значитъ говорить много, какъ язычники, но поклоняться Богу съ простотою какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и дѣлать такъ, чтобы тѣ и другія были исполненіемъ Его

святой воли, я положилъ себя начать на самомъ дѣлѣ эту непрестанную молитву, т. е. не допускать въ себя ни одной мысли, которая бы не была одушевлена жаждой повиновенія волѣ Божіей.

Церковныхъ молитвъ, произносимыхъ мною, было всегда немного, не потому, чтобы я пренебрегалъ ими (я, напротивъ, считаю ихъ очень полезными, и полезными именно потому, что онѣ удерживаютъ вниманіе молящагося на предметѣ молитвы), а только по той причинѣ, что я чувствовалъ себя неспособнымъ произносить много церковныхъ молитвъ, не отвлекаясь и не забывая мысли моей молитвы.

Мое рѣшеніе — быть постоянно въ присутствіи Бога вмѣсто того, чтобы быть мучительнымъ усиліемъ ума и предметомъ страха, было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Не забывая, что Богъ всегда вблизи насъ, что Онъ въ насъ, или, лучше, что мы въ Немъ, одиночество со дня на день становилось менѣе ужаснымъ для меня. «Развѣ я не нахожусь въ самомъ прекрасномъ обществѣ», — говорилъ я себѣ и развеселялся, и напѣвалъ, и насвистывалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

— Да развѣ не могла бы быть, — думалось мнѣ: — со мной горячка и развѣ не могла бы она унести меня въ могилу? Всѣ мои близкіе, которые обливались бы горькими слезами, теряя меня, вѣдь получили бы мало-по-малу силу покориться безропотно моей смерти. Вмѣсто могилы меня поглотила тюрьма: можно ли думать, что Богъ не дастъ имъ подобной же силы?

И мое сердце возсылало за нихъ жаркія мольбы, иногда со слезами; но это были тихія, нѣжныя слезы. Я былъ полонъ вѣры въ то, что Богъ поддержитъ и ихъ, и меня. Я не ошибся.

VII.

Жить на свободѣ далеко лучше, чѣмъ жить въ заточеніи, — кто въ этомъ сомнѣвается? Однако, и въ заточеніи можно жить съ удовольствіемъ, когда думаешь, что и тамъ Богъ присутствуетъ, что радости свѣта скоротечны, что истинное благо заключается въ спокойствіи совѣсти, а не во внѣшнихъ предметахъ. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ я помирился, не скажу — совершенно, но сноснымъ образомъ, съ своей участью. Не желая допустить недостойнаго поступка — купить свою безнаказанность гибелью другого, я видѣлъ, что моя участь — или висѣлица, или долгое заточеніе. Было необходимо примириться съ этимъ. Я буду жить до тѣхъ поръ, пока не отнимутъ у меня дыханія, — говорилъ я себѣ, — и когда у меня возьмутъ его, я сдѣлаю то же самое, что дѣлаютъ всѣ больные, достигая своей послѣдней минуты — умру.

Я приучалъ себя не жаловаться ни на что и доставлять душѣ своей всѣ возможныя наслажденія. Самое обыкновенное наслажде-